

ИДЕЯ «НЕСОСТОЯВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ» В РОССИЙСКОМ ПОСТИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

Термин «failed-state» утвердился в последние годы как в западной политической науке и публицистике, так и в мировой политической практике.

На сайте электронной энциклопедии «Wikipedia» о «failed-state» говорится как о «спорном термине, предлагаемом для обозначения слабого государства, в котором центральное правительство имеет малый практический контроль над большей частью его территории». Противоположностью при этом служит «преуспевающее» («succeed») государство. В другом упоминаемом там же значении «failed-state» акцент делается на состоянии коллапса, в котором оказывается государство, когда оно уже не может выполнять свои основные функции и воспроизводить условия для собственного дальнейшего существования. В этом случае антонимом служит «прочное» («enduring») государство. Спорность термина, по мнению редакции энциклопедии, проистекает из «политических и военных последствий наклеивания на государство ярлыка «failed» – игнорирования законов и призывов его правительства и возможном вооруженном вторжении извне, что само по себе обладает «крайне сомнительной законностью»¹.

Действительно, на рубеже XX–XXI вв. государства, определенные как «failed state», были названы правящими кругами стран Запада (прежде всего США и Великобритании) рассадниками терроризма, угрозой мировому сообществу, и это стало важной частью обоснования ввода войск в Афганистан, а затем в Ирак. В 2006 г. понятие «failed state» использовалось для обоснования ввода австралийских войск в охваченный беспорядками Восточный Тимор.

Отметим, однако, что в последнем случае, в отличие от двух первых, речь шла не о свержении существовавшего в стране, режима, ставшего объектом интервенции, а о его спасении. Жупел «failed state» может использоваться и в превентивных целях для обоснования действий, направленных не на подготовку военного вторжения, а, напротив, предотвращения оснований к нему в дальнейшем. Так, заместитель министра иностранных дел ЮАР летом 2005 г. заявил, что его страна делает все, чтобы не допустить появление у себя на пороге «failed state» в лице Зимбабве².

На рубеже XX–XXI вв. на Западе были предприняты попытки подвести под понятие «failed state» серьезное научное основание.

* Подвинцев Олег Борисович – директор Пермского филиала ИФиП УрО РАН, доктор политических наук, доцент.

¹ http://en.wikipedia.org/wiki/Failed_state

² BBC-news. 16.08.2005.

Рассматривая правовые аспекты, Д. Тюрер из Цюрихского университета отмечал наличие со времен Вестфальского мира, создавшего классическую систему международного права, многочисленных случаев, аналогичных тому, что признается «failed state» в современном мире (например Китай 1930-х гг.). «Failed states», с его точки зрения, являются «продуктом распада государственных структур, обеспечивающих поддержку закону и порядку, провоцирующим и сопровождаемым «анархическими» формами внутреннего насилия». Одновременно Тюрер отмечал, что в соответствии с современными международно-правовыми нормами в качестве «failed state» могут рассматриваться и государства с «агрессивными, волюнтаристскими, тираническими или тоталитарными» режимами¹.

Немецкий автор У. Шнеккнер вместе с группой исследователей из берлинского фонда «Наука и политика» предлагает под «непрочной государственностью» понимать «утрату или необретение государственными институтами способности управления в главных сферах компетенции». Таких сфер называется три – монополия на применение силы, государственные услуги в различных областях и механизмы распределения экономических ресурсов, участие населения в политике и процедурах принятия решений и стабильность политических институтов. При этом справедливо отмечается, что «применительно к каждой функции имеется целый ряд индикаторов, позволяющих измерить степень эрозии государственности»².

В связи с этим выделяются три типа государств, имеющих проблемы в этом отношении: «слабые государства» (weak states), «деградирующие или несправляющиеся со своими функциями государства» (failing states) и собственно «несостоявшиеся или развалившиеся государства» (failed states). У государств, относящихся к последнему типу, «не имеется в сколь-либо значимой мере ни одной из трех функций, так что можно говорить о полном крахе или коллапсе государственности»³.

Американский аналитический центр «Фонд за Мир» публикует ежегодный рейтинг «failed-states», основанный на исследовании двенадцати различных факторов, включая «галопирующее демографическое давление», «массовое движение беженцев и временно перемещенных лиц», «резкий и/или глубокий экономический спад», «криминализация и делегитимация государства», «интервенция других государств или внешних факторов» и другие.

Нас интересуют любопытные трансформации, которые происходят с термином «failed state» в России.

¹ Thurer D. The «failed State» and international law/ International Review of the Red Cross, 1999. №. 836. P. 731-761. 31.12.1999.

² Шнеккнер Ульрих. Распад государства как глобальная угроза / ИА «Росбалт», 27.11.2003.

³ Шнеккнер Ульрих. Распад государства как глобальная угроза ...

В ряде случаев он просто не переводится на русский язык, а заимствуется в английском написании. Например на интернет-сайте «Новые термины русского языка», где понятию «failed-state» дается следующая трактовка: «ослабленное, обанкротившееся государство. Термин обозначает государство, которое демонстрирует неспособность осуществить свою основную функцию – обеспечивать жизнь и физическую безопасность своих граждан и повышать их благосостояние»¹.

Если словосочетанию «failed state» все же подыскивается русскоязычный эквивалент, то для этого используются самые разнообразные термины, включая «провалившееся государство», «пропавшее государство», «гиблое государство», «государство-банкрот» и т.д. Но чаще всего все же переводят двумя способами: «несостоятельное государство» и «несостоявшееся государство». Причем последний вариант особенно распространен.

Перевод данного термина на русский язык стал даже предметом специального обсуждения на Интернет форуме Ассоциации лексикографов «Lingvo». Инициатор и наиболее активный участник этого обсуждения, Павел Палажченко, определение «несостоявшееся» при переводе считал более предпочтительным, чем «несостоятельное». Последнее, с его точки зрения, приемлемо, но «может создать впечатление, что речь идет исключительно об экономической, финансовой несостоятельности государства». Палажченко пишет, о том, что если речь идет о сравнительно новых государствах (например бывших колониях или республиках бывшего СССР), можно употребить словосочетание несостоявшееся государство, а в общем случае – недееспособное государство (в этом значении оно уже встречалось у российских политологов)².

Действительно, экономическое содержание понятия «failed state» в значительной степени отличается от политического. Тем не менее, и в данном значении на русском языке в аналитических работах термин зачастую звучит как «несостоявшееся государство». Так, например, президент Гильдии маркетологов И. Березин пишет, что «несостоявшимися» иногда называют беднейшие страны, где ВВП не превышает 1200 долларов на одного человека. По его словам, «при таком уровне ВВП невозможно даже создание минимально необходимых условий, предпосылок для экономического роста в будущем»³.

Таким образом, термин «несостоявшееся государство» уже вошел в русский язык. Он используется в серьезных научных работах. Однако, как и в отношении английского эквивалента, источником его происхождения скорее является политическая риторика и публицистика.

¹ peace-conflict.ru/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl?num=1162717334

² <http://www.lingvoda.ru/forum/actualthread.aspx?tid=76>

³ Березин И. С удвоением Вас, ВВП! / Практический маркетинг. 2003. № 80.

Казалось бы, различия между определениями «несостоятельное» и «несостоявшееся» не очень существенны. И вообще проблемы перевода того или иного термина имеют локальное значение. Однако, на наш взгляд, то что именно слово «несостоявшееся» (на самом деле не очень подходящее к тому значению определения «failed», которое было рассмотрено выше) в наибольшей степени прижилось в этом термине в России, представляется нам весьма показательным. Прежде всего в связи с тем, что в политическом и политологическом дискурсе в нашей стране термин «несостоявшиеся государства» применяется чаще всего в отношении ряда бывших союзных республик СССР.

Некоторые страны СНГ фигурируют в качестве «failed states» и в западной литературе, но, как правило, не на первых ролях и не в качестве типичных. У. Шнеккнер к числу «слабых» относит, в частности, Казахстан, Киргизию, Туркменистан, Беларусь. К числу «несправляющихся» – Грузию. При перечислении примеров «несостоявшихся» говорится, что в эту категорию «некоторое время входил» Таджикистан¹.

В первой десятке рейтинга «Фонда за Мир» за 2006 г. представлены в основном африканские и азиатские государства (возглавляют его Судан, Демократическая республика Конго, Кот-д’Ивуар, Ирак находится на четвертом месте, Афганистан – на десятом). Ни одной бывшей республики Советского Союза в этой десятке нет. На самом высоком, двадцать третьем, месте среди них оказался Узбекистан. Затем следуют Кыргызстан (28-е место), Таджикистан (42-е), Россия (43-е), Туркменистан (45), Беларусь (50-е)². Такие результаты показали многим экспертам достаточно странными. В частности, отсутствие в числе «наиболее уязвимых» государств в этом рейтинге Азербайджана, Армении, Украины и, особенно, Грузии, а также, напротив, высокое место Белоруссии вызвали обоснованную, но весьма резкую критику со стороны российского специалиста по проблемам стран СНГ С. Маркедонова³.

Однако в России наблюдается противоположная крайность. И слово «несостоявшиеся» очевидно оказалось наиболее созвучно широко распространенным настроениям. Дело, как представляется, в том, что определение «несостоявшееся государство» несет в себе ощущение окончательно свершившегося факта. Это государство уже не состоялось и не состоится. Более того, зачастую подразумевается, что оно и не могло состояться, потому что было создано

¹ Шнеккнер Ульрих. Распад государства как глобальная угроза ...

² <http://www.fundforpeace.org/programa/fsi/fsiindex2006.php>.

³ См.: Маркедонов С. Рейтинг «несостоявшихся государств» дискредитирует научное сообщество Западного мира // <http://www.24.kg/news-stall/2006/08/18/5908.html?print=yes>; Он же. Может ли Грузия возглавить список «несостоявшихся государств» // <http://www.fondsk.ru/print.php?id=282>

«искусственно», а вовсе не неким «естественным» путем, и потому не имеет и не может иметь под собой реальной основы.

Так, например, известный российский политик державной ориентации Константин Затулин утверждая, что «Грузия является классическим примером несостоявшегося государства», при этом подчеркивал, что «Грузия никогда в своем независимом статусе не существовала», а в том виде, в котором она существует сейчас, была организована во время правления Сталина¹.

Фактически в том же значении термин «несостоявшееся государство» использует и идеолог нового евразийства Александр Дугин. При этом он, правда, ссылается на некий иной английский эквивалент данного термина – «fault country», что, кстати, можно перевести как «ошибочная страна». Одновременно и во взаимосвязи с Дугиным употребляется и другой термин – «turn country», «страна, предназначенная к разрыву, страна с несостоявшейся национальной государственностью, которую слишком поздно уже начинать, и для которой, по большому счету, нет никаких внутренних оснований для того, чтобы ее сохранять»².

И то, и другое, с точки зрения Дугина, применимо к Украине: «Украина – это геополитический нонсенс, совершенно верно. Либо она должна определиться в евразийском направлении, где большинство ее цивилизационных территорий тяготеют, либо она должна быть расколота. Единой Украины, ориентированной, интегрированной на западную европейскую цивилизацию, просто не может быть...»³.

В весьма бессвязном комментарии Михаила Леонтьева киргизских событий осени 2006 г. (изобилующем словами вроде «придурки», «идиоты», «бандиты», «импотенты») утверждается, что «Киргизия – не просто несостоявшееся государство, Киргизия – это пороховой склад». При этом данная страна определяется также как «одно из самых несчастных, одно из самых сложных постсоветских формирований». Иная форма деятельности кроме воровства, по заверениям Леонтьева, в Киргизии «в принципе неизвестна», поскольку «другая деятельность связана с другой формой цивилизации, с другой формой геополитического устрой-

¹ <http://www.materik.ru/print.php?section=analitics&bulsectionid=5292>

² Интервью Дугина. Что будет, если Украина распадется? Радио «Эхо Москвы». 04.12.2004 // <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=2089>

Поскольку речь идет о расшифровке радиоинтервью, возможно просто ошибочное написание английского эквивалента термина. Однако вполне вероятно, что эти в действительности до определенного времени неизвестные в мире термины есть непосредственный продукт творчества самого господина Дугина.

³ Там же.

ства региона (курсив – О.П.)»¹. Очевидно такой формой, по мнению Леонтьева, должен стать переход региона под полную опеку России.

Характерно, что сочетание «несостоявшаяся страна» применительно к бывшим советским республикам встречается в России почти столь же часто, как и «несостоявшееся государство». По крайней мере количество страниц и сайтов со словами «несостоявшиеся государства» и «несостоявшиеся страны» в русскоязычной части Интернета, согласно поисковой системе «Яндекс», примерно равное. Решение проблемы «несостоявшегося государства» может заключаться в простой смене политического режима или строительстве новых государственных институтов (если прежние просто рухнули). С «несостоявшейся страной» же не обойтись без изменения границ.

Иногда под определением «несостоявшаяся» подразумевается лишь то, что данная страна не состоялась в прежних, произвольно очерченных в имперском прошлом пределах. Именно это, судя по всему, имеет в виду, например, известный российский политолог Сергей Караганов, утверждая: «Никто не сказал, что СССР должен был распасться именно на 15 государств. Может быть, в конце концов их окажется 17 или более»². Но и позицию этого автора следует признать противоречивой, учитывая, что до этого он провозглашая, что считает «крупнейшей ошибкой последнего полувека предоставление статуса независимых государств десяткам и десяткам бывших колоний, отколовшихся территориям, которые так и не смогли стать состоявшимися государствами, обеспечивающими минимальные гарантии прав своим жителям, возможности для эффективного экономического развития». Зато, по мнению Караганова, «они стали источниками кровавых конфликтов, терроризма, деградации окружающей среды, других бед»³. Но остается непонятным, не усилит ли тогда эти проблемы предоставление независимого государственного статуса еще нескольким «отколовшимся территориям»?

С точки зрения того же Дугина, «несостоявшиеся государства» не смогут состояться и в случае, если откажутся от неконтролируемых ими или проблемных территорий. Выход для них в конечном итоге один – слиться с Россией: «Большая Россия должна включать в себя не только то, что откалывается от несостоявшихся постсоветских государств, слепо рвущихся в НАТО, чтобы сгинуть в атлан-

¹ Леонтьев М. Киргизия – не просто несостоявшееся государство, Киргизия – это пороховой склад // http://uncensored.km.ru/magazin/view_print.asp?id={42D3FB25-5E5B-400B-922F-A2B48E2C2172}

² Караганов С. СНГ и непризнанные государства // <http://centrasia.ru/newsA.php4?st=1117787400> (Российская газета, 03.05.2005).

³ Там же.

тизме и глобализме, потеряв достоинство, идентичность и будущее. Большая Россия должна включать и Молдову, и Грузию, и Украину, а не только Приднестровье, Южную Осетию или Крым»¹.

Иной взгляд предполагает, что Россия в противовес «несостоявшимся», должна ориентироваться на успешные и здоровые силы на постсоветском пространстве. В еженедельнике «русских консерваторов» «Время» по поводу состоявшегося в июне 2006 года в Минске саммита ЕврАзЭС комментатором был сделан вывод, что в отношении стран СНГ «время определяться, кто есть кто и кто с кем, наступило. Отваливаются несостоявшиеся государства, вроде Грузии и Молдовы. Остальные собираются вокруг России»². Однако, как представляется, такое решение вопроса для представителей данного подхода выглядит временным и все, вероятно, должно измениться после того, как «несостоявшиеся» окончательно поймут, что «не состоялись».

Вполне логично, что полемика о «несостоявшихся государствах» на постсоветском пространстве выплескивается за пределы России. Естественно также, что к критике своих «метрополий» в качестве «несостоявшихся государств» активно присоединяются представители непризнанных государственных образований. Приведем, например, слова полномочного представителя Южной Осетии в России Дмитрия Медоева: «Грузия так и не стала полноценным государством. Это несостоявшаяся страна. Вот и все ее проблемы»³. «Несостоявшейся страной» называл Грузию и президент Южной Осетии Э. Кокойты. То же характерно и для Приднестровья, представители которого любят определять Республику Молдову как «суррогатное несостоявшееся государство, которое к исторической Молдове никакого отношения не имеет»⁴.

При этом сами Южная Осетия и Приднестровье иногда считаются «несостоявшимися государствами» наряду с прочими подобными непризнанными образованиями и нереализованными государственными проектами (это еще одна трактовка «failed state»).

Иная позиция у российских кругов, симпатизирующих непризнанным образованиям. В отчете о международной конференции «Параллельное СНГ. Абхазия, Приднестровье, Южная Осетия и Нагорный Карабах как реалии постсоветского пространства», состоявшейся в Москве в сентябре 2005 г. (в ней активно участвовал и Константин Затулин), говорилось, что «вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам, осложняющим развитие данных госу-

¹ Дугин А. Приднестровье – авангард Большой России // <http://olvia.idknet.com/ol95-10-06.htm> («Россия», 5-11.10.2006 № 37(989)).

² Гончаров В. Саммит интеграторов // <http://www.partia-nv.ru/vremya/Numbers/2006/23-24/ni5.html> (Время, 29.06.2006. № 23-24(543-544)).

³ <http://mayak.rfn.ru/schedules/6852/29209.html>.

⁴ См., например: http://lentapmr.front.ru/doc/5_vzglyadov.htm

дарств, они проявляют куда большую эффективность в плане решения социально-экономических проблем, чем покинутые ими «метрополии», которые несмотря на свой полноценный международный статус, часто рассматриваются (в том числе и на Западе) как «несостоявшиеся государства»¹. При этом подчеркивалось, что «и в плане утверждения демократических институтов непризнанные республики во многом выглядят предпочтительнее. При всех трудностях и издержках в Абхазии, Южной Осетии и Карабахе уже произошла смена власти путем всеобщих выборов на альтернативной основе. При этом в Абхазии и Южной Осетии на смену прежним правящим режимам пришла вчерашняя оппозиция. Подобных прецедентов, как известно, до сих пор не было в Азербайджане, где власть захватывалась путем политических интриг (отставка Эльчибея) либо передавалась от отца к сыну. А в Грузии за ее недолгую постсоветскую историю насильственным путем было свергнуто два легитимных с точки зрения конституции и международного права президента – Гамсахурдия и Шеварднадзе»¹. Непризнанные государства, таким образом, тоже оказываются в роли «здоровых сил», собирающихся вокруг России.

Любопытные противоречивая можно наблюдать в отношении того, какую роль сыграли политические события последних лет на Украине с точки зрения применения к этой стране понятия «несостоявшееся государство». Один из авторов портала «Украина.ру» в августе 2004 г., упоывая на грядущее избрание В. Януковича, писал, что встретив 13 августа один 13-летний юбилей «незалежности» в положении слабой державы, «несостоявшегося государства», Украина имеет шанс придти к тринадцатилетию референдума о независимости уже более «состоявшейся» страной с собственным национальным лидером и зарождающимся национальным проектом»². После переголосования второго тура выборов Президента Украины другой российский автор писал, что отныне Россия «должна относиться к Украине, (как и к Грузии, Афганистану, Косово и Ираку) как к несостоявшемуся или неудавшемуся государству, то есть к стране, которая оказалась неспособной к независимому воспроизводству власти. Не сумела удержать свой суверенитет»³. Напротив, фактически в то же время, после утверждения Президентом В. Ющенко, автор редакционной статьи журнала «Эксперт Украи-

¹ Крылов А. СНГ-2: новые тенденции // <http://russ.nago.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=343>

² Преображенский И. День независимости и национальный проект // <http://www.ukraine.ru/stories/04/07/02/3515/224391.html>

³ Крупнов Ю. Украина получила оккупационную демократию // <http://www.contr-tv.ru/common/545/>

Все признаки «failed» или «failing state», по мнению данного автора, Украина имела. Упомянув и Грузию, Крупнов не преминул заметить, что у России открываются новые возможности в отношении таких стран в виде возможной «донорской помощи для восстановления суверенитета».

на» писал: «Теперь никому не придет в голову наклеивать на Украину ярлык «несостоявшегося государства», что очень многие делали еще пару лет назад»¹. Тем не менее, разговоры об Украине как о «несостоявшемся государстве» или «несостоявшейся стране» вновь возникали на российских и украинских форумах в Интернете. В частности, в связи с газовым кризисом зимы 2005–2006 гг. и затянувшимся процессом формирования правительства весной-летом 2006 г.

Вопросы демократии и в том числе передачи высшей государственной власти не случайно постоянно всплывают в России в связи с понятием «несостоявшееся государство». По третьему из перечисленных Шнеккеном критериев серьезно уязвима (по крайней мере в путинскую эпоху) и сама Россия. К этому добавляется и ряд других серьезных проблем – неизжитый сепаратизм, коррупция, диспропорции социально-экономического развития и т.д. Соответственно, поборникам российской державности приходится и самим занимать оборону против «пропагандистской кампании по дискредитации» с обещанием «перевести боевые действия на территорию противника» (то есть стран Запада, прежде всего США)². Достаточно широкое хождение в этой среде имеет опасение, что объявив Россию «несостоявшимся государством», США рано или поздно могут предпринять против нее вооруженную интервенцию, как они сделали это в отношении Югославии, Афганистана и Ирака. Очевидно, еще и поэтому важное значение представители державно-патриотического лагеря придают критике результатов действий американцев по переводу Афганистана и Ирака в разряд «состоявшихся» государств.

Таким образом, несмотря на то, что в странах Запада в последнее время были предприняты более-менее успешные попытки придать понятию «несостоявшееся государство» строгий научный смысл, данное словосочетание, подобно, например, словам «фашизм» или «терроризм» во многих случаях остается политическим ярлыком, наклеиваемым на противника. Особенно это характерно для России, где отдельные случаи справедливой критики в отношении западных коллег с целью призвать их быть последовательными в данном вопросе как в теории, так и на практике, сочетаются с многократным использованием вышеназванного термина в откровенно ругательном и пренебрежительном значении.

Принципиальное различие между восприятием «failed states» в своем ближайшем окружении в других странах и в России заключается в том, что в России данные характеристики в отношении быв-

¹ Состоявшаяся страна // <http://www.expert.ru/printissues/ukraine/2005/02/02uk-2ukeditr/>

² См., например: Фролов В. Нужный образ «несостоявшегося государства» // Эксперт, 18.09.2006. № 34(528).

ших союзных республик воспринимаются не с тревогой (как, например, в ЮАР в отношении Зимбабве, в Австралии в отношении Восточного Тимора), а с удовлетворением.

Используя выражение В. Фролова, можно сказать, что «несостоявшееся государство» действительно является зачастую «нужным образом», однако нужным в том числе и для самих радетелей российского державного величия. В том числе для их внутреннего потребления, компенсируя в некоторой степени травму распада империи и рождая некие надежды на возможность ее возрождения. Уже само признание факта, что у отделившихся от Советского Союза (читай России) стран дела идут плохо, рождает некое ощущение реванша для носителей имперской системы ценностей. И в этом отношении неважно, в чем именно заключаются проблемы стран «ближнего зарубежья» – в падении ВВП и других экономических неурядицах, внутривластных конфликтах и революциях или сохранении части территории под контролем непризнанных сепаратистов.

В определенной степени уверенность в несостоятельности существования бывших владений в качестве независимых государств является сдерживающим фактором для державного сознания в постимперских реалиях. Продолжением веры в абсурдность развалившегося распада единого государства и, соответственно, неизбежность его обратного «собирания» естественным, не требующим особых дополнительных усилий путем. То есть не нужно разрабатывать новый политический курс, предлагать новые решения проблем – все и так придет в норму, надо лишь подождать¹.

Однако стремление поддерживать идеальный образ «несостоявшихся соседей» все же в определенной степени выливается и в осуществление практического политического курса. В случае если признаки «несостоявшегося государства» вдруг угрожают ослабнуть или исчезнуть вовсе, с российской стороны могут быть приняты действия, препятствующие этому. Как признает такой компетентный специалист как Сергей Караганов: «Некоторые люди у нас действительно хотят продолжения статус-кво, считая, что поддержание этих территорий (самопровозглашенных государственных образований в Ближнем зарубежье – *О.П.*) в подвешенном состоянии усиливает наши позиции визиavi соответствующих стран»². Представляется, что есть определенная доля истины и в суждении одного из английских журналистов о том, что «Россия коллекционирует несостоявшиеся государства. Некоторые из них украшают ее границы как страшное ожерелье из отрезанных ушей»³.

¹ См. подробнее: Подвицнев О.Б. Постимперская адаптация консервативного сознания: благоприятствующие факторы // Полис, 2001. № 3.

² Караганов С. Указ. соч.

³ Рид Т. Украина идет к расколу? <http://www.inosmi.ru/print/215705html>

Наконец, не следует исключать, что при определенных условиях аргумент «несостоявшегося государства» может быть использован и для обоснования вооруженного вторжения или другого радикального вмешательства России в дела какой-либо из бывших союзных республик. Подобно тому, как это делалось в отношении упомянутых выше военных акций западных стран. Однако для этого должно произойти радикальное изменение роли России в международных отношениях и современной геополитике. Оснований для этого пока не прослеживается.